

БОГ,
КОТОРЫЙ
ВОЗНЕНАВИДЕЛ
МИР

ДАНИЛА ДУНАЕВ

Данила Дунаев

Бог, который возненавидел мир

«Автор»

2026

Дунаев Д.

Бог, который возненавидел мир / Д. Дунаев — «Автор», 2026

Он мог остановить любую войну. Спасти миллионы людей. Изменить саму реальность. Но однажды его собственный сын перестал ждать отца домой. Артём Веденин не просил божественной силы. Он хотел обычного счастья: любить жену, растить сына и знать, что его близкие в безопасности. Теперь перед ним бессильны армии, правительства и законы природы. Он останавливает катастрофы, спасает обречённых и пытается построить мир, в котором больше никто не будет страдать. Но человечество не желает подчиняться даже своему спасителю. И тогда перед Артёмом встаёт страшный вопрос: если ты можешь избавить людей от боли, имеешь ли ты право отнять у них свободу? Чем ближе он к идеальному миру, тем дальше от него становятся те, ради кого всё начиналось. Мрачный психологический триллер об абсолютной власти, любви, вине и цене спасения. Что останется от человека, когда ему станет подвластно всё — кроме чужого сердца?

© Дунаев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	6
Пролог. Протокол отсутствующего бога	8
Часть I. Человек	10
Глава 1. В одиннадцать секунд	10
Глава 2. Один снаряд	17
Глава 3. Девочка без документов	23
Глава 4. Антоновка	27
Глава 5. Два карандаша	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Бог, который возненавидел мир

Бог, который возненавидел мир

Данила Дунаев

Содержание

Пролог. Протокол отсутствующего бога
Часть I. Человек
Глава 1. В одиннадцать секунд
Глава 2. Один снаряд
Глава 3. Девочка без документов
Глава 4. Антоновка
Глава 5. Два карандаша
Глава 6. Верхние Сосны
Часть II. Спаситель
Глава 7. Чужие аплодисменты
Глава 8. Буквы на дереве
Глава 9. На коленях
Глава 10. Жёлтый утёнок
Глава 11. Миша и урок послушания
Глава 12. Право отказаться и перемирие
Глава 13. Полевые свидетели и кабинет
Глава 14. Лера, исчезнувшие, Савелий
Часть III. Судья
Глава 15. Опыт с безошибочным миром
Глава 16. Необходимая жестокость
Глава 17. Политический кризис и письмо Леры
Глава 18. Наблюдатель и доктрина общего врага
Глава 19. Тревога и коалиция
Глава 20. Лера, Ника и отсчёт
Глава 21. Восьмая подпись и Гранск
Глава 22. Лера и четырнадцатый день
Часть IV. Чудовище
Глава 23. Разломы памяти и гуманитарная цена
Глава 24. Наблюдатель и согласие
Глава 25. Новая география и семья
Глава 26. Кнопка
Глава 27. Он такой
Глава 28. Вина и последствия
Глава 29. Миша и операция «Предел»
Глава 30. Сын не заложник
Глава 31. Карта угрозы и дом Ольги
Глава 32. Последний автобус
Часть V. Бог
Глава 33. Отец, ультиматум и руины
Глава 34. Эвакуация двух столиц
Глава 35. Два берега и помощь
Глава 36. Миша и противоречивые свидетельства
Глава 37. Архив против всемогущества
Глава 38. Пятый день рождения и новая ночь
Глава 39. Новый материк
Глава 40. Память и созданные города

Глава 41. Последний ультиматум

Глава 42. Списки и решение Совета

Часть VI. Человек без мира

Глава 43. Красный кубик

Глава 44. Последняя тишина

Глава 45. Последнее решение

Глава 46. Суд без подсудимого

Эпилог. Человек, которого больше не ждали

Пролог. Протокол отсутствующего бога

Мальчик на записи просил отца приехать домой.

— Пап, ты же обещал. Сегодня точно?

Женщина за столом потянулась к кнопке паузы, но председатель комиссии остановил её. Детский голос прозвучал ещё раз — не потому, что ребёнок повторил вопрос, а потому, что запись заела на последней секунде.

— Сегодня точно? Сегодня точно?

Техник выключил звук. В комнате стало слышно, как за стеной передвигают стулья. Через час в этом здании начнут давать показания люди, пережившие исчезновение целых городов. А пока семь членов комиссии сидели перед старым семейным сообщением, которое никто из них не решался назвать доказательством.

На экране оставался кадр: край кухонного стола, раскрытая коробка с детским конструктором и рука женщины, поправляющей телефон. В кадр не попадали ни мальчик, ни его отец. Секретарь комиссии записала время, дату и происхождение файла. Потом, нарушив собственный порядок, спросила:

— Зачем нам это показывают?

Свидетель, которого в протоколе обозначили буквой «С», не ответил сразу. Он сидел в застёгнутом пальто. На его манжете засохло светлое пятно — то ли краска, то ли пыль. Прежде чем заговорить, он попросил воды, но к стакану так и не прикоснулся.

— Потому что вы всё время спрашиваете, в какой день он решил стать богом. Такого дня не было.

Председатель закрыл папку с вопросами.

— Мы расследуем конкретные действия Артёма Веденина. Приказы, перемещения населения, исчезновение Ольвии, события в Сальме и Вальдене. Нам нужны факты.

— Тогда начните с того, что он умел опаздывать домой, — сказал свидетель. — Это тоже факт.

Председатель помолчал. На стене за его спиной висела карта мира, напечатанная уже после появления нового материка. Картографы ещё спорили о названиях трёх городов, возникших там за одну ночь. На старых картах этого берега не было вовсе.

— Вы хотите, чтобы комиссия ему сочувствовала?

— Нет. Я хочу, чтобы вы не объясняли всё задним числом. Когда он впервые помог человеку, никто не увидел в этом угрозы. Когда заставил других поступить правильно, многие благодарили его. Потом стало трудно отличить помощь от приказа. А однажды отличать стало некому.

Секретарь перелистнула лист с перечнем погибших. Список не помещался в папку: за каждой подтверждённой фамилией следовали десятки тех, чьё исчезновение ещё пытались установить. Она задержала палец на пустой графе «место захоронения» и перевернула страницу.

— Вы были рядом, когда погибла его жена?

Свидетель посмотрел на выключенный экран.

— Нет. И не стану рассказывать вам, будто знаю, что она сказала в последние секунды. Слишком многие уже придумали за неё слова.

— Но вы знаете, что произошло после?

— Знаю. Он создал другую женщину, наделил её памятью Леры и ждал, что она останется с ним. Она ушла. Впервые за долгое время он получил ответ, который не мог исправить, не уничтожив сам смысл ответа.

Председатель сделал пометку. Секретарь не писала: она смотрела на неподвижный кадр с кухонным столом.

— А мальчик? — спросила она. — Миша жив?

— Да.

— Он общается с отцом?

— Нет.

За дверью кто-то уронил металлический поднос. Все, кроме свидетеля, вздрогнули. Председатель велел продолжать запись заседания. Техник проверил микрофоны, и красный огонёк загорелся снова.

— Последний вопрос, — сказал председатель. — Почему Веденин согласился на это расследование, если мы не можем заставить его явиться и не можем исполнить приговор?

Свидетель наконец взял стакан. Вода дрогнула у края, но он не сделал ни глотка.

— Он не соглашался. Вы просто начали задавать вопросы, не дожидаясь его разрешения.

Председатель посмотрел на пустое кресло у дальнего края стола. Его поставили по требованию службы протокола: место для человека, которого комиссия собиралась судить, хотя никто не знал, способен ли суд хоть что-нибудь изменить.

— Тогда зачем вы пришли?

Свидетель поставил стакан на стол.

— Чтобы вы не перепутали его молчание с ответом.

Часть I. Человек

Глава 1. В одиннадцать секунд

Артём Веденин не любил слово «герой». На работе им обычно называли человека, который за ночь исправил чужую ошибку, а утром получил благодарность вместо выходного. Артём предпочитал, когда ошибки исправляли вовремя. С собственными у него выходило хуже: он мог часами чинить чужую работу, но откладывал разговор, после которого человек вправе был на него рассердиться.

В тот вечер Артём вернулся домой с пакетом мандаринов, опоздав к ужину на сорок минут. Миша сидел на полу прихожей в одном носке и пытался вставить пластмассовое колесо в игрушечный автобус. Артём опустился рядом, не снимая пальто. Колесо не держалось: ось треснула, и автобус всякий раз оседал набок.

— Пап, колесо убегает! — Миша подкатил ему автобус.

Артём сходил за коробкой с инструментами. Лера из кухни сказала, что ужин остынет. Он ответил, что сейчас, и высыпал на газету отвёртки, обрезки проводов и пакетик с винтами, оставшийся после сборки шкафа.

— А вот это подойдёт? — Миша протянул ему крышку от фломастера.

— Великовата. Давай поищем что-нибудь потоньше.

Миша принялся перебирать детали. Каждую вторую он предлагал отцу, а третью пытался вставить сам. Артём ловил себя на желании забрать автобус и закончить без помощника. Вместо этого придерживал корпус, пока сын примерял очередную трубочку.

— Ужин на плите, — напомнила Лера. Она появилась в прихожей с кухонным полотенцем в руке, посмотрела на газету и покачала головой. — Только винты потом соберите. Я босиком хожу.

Артём кивнул, хотя уже успел уронить один под обувницу. Ещё минут двадцать они подрезали трубочку, укрепляли ось и проверяли, не отвалится ли мелкая деталь. Когда автобус наконец поехал, Миша не обнял отца и не сказал ничего торжественного. Просто покатил машинку через порог и объявил, что водитель едет за хлебом.

— Ты хоть пальто сними, мастер. С директором бы так спорил, как с этой осью, — сказала Лера.

Артём улыбнулся, но ответить не нашёлся. Утром директор велел ему «поговорить по-человечески» с сотрудником склада. Артём весь день откладывал разговор: сначала из-за совещания, потом из-за срочной накладной, а под вечер Сергей уже ушёл. Он представил, как тот завтра придёт на смену, отметится на проходной, откроет склад, не зная, что его место решили сократить.

— Что? — спросила Лера, заметив его лицо.

— На работе ерунда.

— Опять ерунда, про которую нельзя рассказать?

Он пожал плечами. Лера не стала расспрашивать при Мише. Подобрала с пола винт и положила на газету рядом с инструментами.

Ночью он написал тому человеку сообщение. Стер. Написал снова: «Завтра зайдите ко мне. Не подписывайте ничего до нашего разговора». Отправил и долго смотрел на две серые галочки.

Артём перевернул телефон, потом снова взял его в руки. Сообщение можно было удалить. Вместо этого он поставил будильник на восемь утра: «Сергей. Кадры». Утром он всё равно сначала откроет рабочую почту.

В семь сорок три утра он стоял в очереди за кофе и спорил с продавцом из-за лишних сорока рублей. Продавец случайно пробил женщине впереди него два круассана вместо одного, а она не заметила. Артём заметил и теперь объяснял это с таким терпением, с каким другие объясняют детям устройство солнечной системы.

— Вы что, из-за сорока рублей очередь держите? — спросил продавец.

— Я опоздал ещё до кофе. Верните женщине сорок рублей, пожалуйста.

В офисе его ждали квартальный отчёт и двое раздражённых руководителей. Сообщение Леры пришло, когда он открывал таблицу: «Не забудь сегодня пораньше. У Миши праздник в садике».

Артём написал «Конечно». Потом посмотрел на время начала праздника — шесть вечера — и открыл календарь. В половине шестого там стояло совещание с директором. Он перенёс его на три, отправил приглашения и на минуту почувствовал облегчение, словно обещание уже выполнил. Через десять минут секретарь директора вернула встречу на прежнее время: «Раньше никак».

Он хотел написать Лере об этом сразу. Не написал. Вчера он уже обещал прийти пораньше, и позавчера тоже.

В обед она прислала фотографию Мишиной бумажной каски: кривой красный круг на белом картоне, по краю — полоски из фольги. Под снимком было: «Он решил, что ты должен увидеть раньше всех». Артём открыл изображение на весь экран. Миша вырезал эту каску два вечера; каждый раз требовал, чтобы отец примерил её и сказал, достаточно ли она похожа на настоящую. В первый вечер Артём отмахнулся — был созвон. Во второй Миша дождался, пока он закончит разговор, и молча поставил каску ему на голову.

«У меня могут задержать встречу», — набрал Артём. Подумал, что после такого сообщения Лера всё равно будет ждать его до последней минуты, и стёр. Вместо этого спросил, во сколько они выезжают. Ответ пришёл почти сразу: «В 17:15. Я могу забрать тебя у метро, если успеешь». Он посмотрел на часы и впервые за день закрыл рабочую таблицу, не сохранив изменений.

Артёму было тридцать шесть. Он руководил отделом снабжения в торговой компании «Меридиан», знал по именам двадцать восемь сотрудников и ненавидел фразу «это не моя зона ответственности». Зарплата позволяла не сравнивать цены на молоко, но платёж по ипотеке он всё равно проверял в приложении дважды в месяц. Его квартира находилась на двадцать первом этаже жилого комплекса «Сосновые башни». Сосен поблизости не было. Башен было семь, и каждая имела собственный чат, где соседи ненавидели друг друга с завидной дисциплиной.

Его жена Лера преподавала литературу в частной школе и обладала редким даром задавать вопросы, на которые нельзя ответить словами «всё нормально». Сын Миша, которому недавно исполнилось четыре, считал отца самым сильным человеком на свете. Артём не торопился его разубеждать. В детстве у каждого должен быть хотя бы один взрослый, способный победить чудовище под кроватью.

В обед Артём снова открыл новости. На границе Северии и Рутении шли бои. Два государства, некогда составлявшие единое политическое пространство, уже третий год объясняли миру, почему именно их мёртвые имеют большее значение. Западная коалиция поставляла оружие. Восточные союзники призывали к переговорам и одновременно заключали новые контракты. На биржах росли акции производителей систем наблюдения. В комментариях под новостями люди желали друг другу смерти, не отрываясь от обеда.

Артём закрыл приложение. Ему было стыдно закрывать новости, но он всё равно закрыл их: от его взгляда на экран никто не становился живее.

В четыре тридцать его вызвал директор. Совещание сдвинулось ещё на полчаса, но уйти Артём не решился. Он сидел у кабинета, глядя на часы, пока секретарь допечатывала какие-

то бумаги. В шесть начинался праздник Миши. Дорога до садика занимала сорок минут без пробок.

Директор пригласил его внутрь, не отрываясь от монитора.

— По складу: Ключева нужно вывести до пятницы. Без выплаты. Пусть сам заявление напишет.

— Девять лет отработал. Ему ведь положена компенсация.

— Тем более объяснять долго не придётся. Ты же умеешь с людьми.

— Он сам не уйдёт, — сказал Артём.

— Тогда объясни, что вариантов нет.

— Варианты есть. Перевод, сокращение с компенсацией.

Директор наконец повернулся к нему.

— Ты предлагаешь мне сейчас обсуждать трудовое право или закрывать квартал?

— Я предлагаю сделать это законно.

Директор снял очки, положил их поверх распечатки и впервые за разговор посмотрел на Артёма внимательно.

— Хорошо. Тогда найди, из какого бюджета платить компенсацию. Из своего отдела? Ты сам говорил, что людей не хватает. Снимем одну вакансию — закроем вопрос.

Артём знал, какую вакансию тот имеет в виду. Её обещали кладовщику, который полгода работал за двоих. Директор умел превращать чужое увольнение в выбор между двумя людьми, ни один из которых не сидел сейчас в кабинете.

— Мне нужно посмотреть цифры, — сказал Артём.

— Посмотри. До завтра. А с Ключевым поговори сегодня.

На телефоне высветилось напоминание: «Миша. Праздник». Артём погасил экран. В кабинете тикали часы, хотя директор давно говорил, что они сломаны. Секундная стрелка проходила круг за кругом.

В коридоре Артём написал Сергею, что хочет встретиться лично. Открыл переписку с директором, набрал «Нужен письменный приказ» и удалил. Затем позвонил в отдел кадров. Никто не взял трубку. На улице он понял, что не успеет к началу праздника, даже если победит.

На следующий день сотрудник склада всё-таки пришёл. Его звали Сергей Ключев; Артём знал, что у Сергея двое детей и старшая дочь поступает в колледж, но не знал, что жена три месяца не работает после операции. Сергей сел напротив, положив руки на колени, словно ждал выговора.

— Сказали, до пятницы написать по собственному. А если не напишу — найдут причину. У меня ипотека, Артём Сергеевич.

Артём посмотрел на экран. Он мог позвонить директору прямо сейчас. Мог потребовать письменного распоряжения. Мог хотя бы не обещать того, чего не контролировал.

— Ничего не подписывайте до обеда. Я попробую добиться перевода. Но обещать не могу.

Сергей кивнул, но не поднялся.

— Мне уже сказали: в пятницу пропуск заблокируют. Я не могу ждать до понедельника.

Артём хотел ответить, что сам рискует работой. Вместо этого распечатал заявление о переводе на другую должность и положил перед Сергеем. Это был обходной путь, ненадёжный и унижительный для обоих. Сергей прочёл, спросил, сохранится ли зарплата. Артём не знал.

— Я до трёх буду на складе, — сказал Сергей у двери. — Потом заберу детей. Позвоните, даже если не получится.

Артём проводил его до двери. Обещать «позвоню» оказалось легче, чем набрать номер директора.

К семи он всё-таки вырвался. На остановке автобус пришёл уже полный, и Артём остался ждать следующего. В телефоне висели два сообщения от Леры. Первое: «Мы начинаем». Второе, отправленное через сорок минут: «Всё закончилось. Поедем домой».

Потом пришло видео. Миша в бумажной короне читал стихотворение, сбился на середине, посмотрел в зал и начал сначала. За кадром кто-то из взрослых подсказал слово. Артём прибавил звук, чтобы расслышать, что именно сын забыл, но рядом с дорогой ревели автобусы. Он надел наушники и посмотрел ещё раз.

Лера не написала ничего обвинительного. От этого было труднее подобрать слова. Артём прослушал запись трижды, прежде чем решился позвонить.

Она ответила не сразу.

— Вы уже дома? — спросил он.

— Почти. Миша заснул в машине, пришлось будить. Теперь ищет каску.

— Я видел видео.

— Хорошо.

Артём ждал продолжения. Лера шумно открыла дверь, что-то сказала Мише и только потом вернулась к разговору.

— Я не прошу тебя бросить работу, — сказала она. — Но когда ты пишешь «конечно», мы ведь тебе верим. Даже если ты сам уже знаешь, что не придёшь.

— Я думал, успею.

— Я знаю.

Он хотел объяснить про Ключева, про директора, про встречу, которую нельзя было отменить. Лера наверняка выслушала бы. Но у неё сейчас был ребёнок, который весь вечер смотрел в зал, и его объяснения ничего не меняли.

— Дай ему трубку, если не спит, — попросил Артём.

Послышались шаги и шорох одежды. Миша взял телефон так, что сначала отец услышал только дыхание.

— Пап! Ты пропустил, как я был пожарным!

— Видел видео. Ты громче всех командовал.

— А завтра увидишь меня сам?

Артём посмотрел на серую воду за окном электрички.

— Приду. Буду у двери ждать.

На линии стало тихо. Артём подумал, что связь оборвалась, и уже хотел перезвонить, когда Миша спросил:

— Пап, а что это гудит?

Сначала Артём услышал звук в телефоне. Затем тот же протяжный вой дошёл до него сквозь стекло вагона. Люди подняли головы, не понимая, почему одновременно зазвучали чужие телефоны и сирены за окном.

— Миш, дай маме трубку.

— Это пожарные?

— Дай маме, пожалуйста.

Лера успела сказать только «Артём?» — и связь оборвалась.

✱✱

Первые девять секунд никто не поверил, что звук настоящий. Город слишком привык к учебным тревогам, уведомлениям, предупреждениям и роликам, в которых всё заканчивалось рекламой. На десятой секунде в вагоне погасло освещение. На одиннадцатой женщина напротив Артёма перекрестилась. На двенадцатой поезд продолжил движение. Кто-то нервно засмеялся; женщина так и держала руку у груди.

Артём набрал Леру. Она не ответила. Он набрал снова. Третий звонок оборвался сообщением о перегрузке сети.

На платформе люди уже смотрели в телефоны. Над северной частью города видели беспилотники. Работала противовоздушная оборона. В официальном канале просили сохранять спокойствие и не распространять неподтверждённую информацию. В неофициальных каналах распространяли всё, что можно было подтвердить только страхом.

На улице пахло мокрым асфальтом. Артём побежал к дому, хотя до него было почти три километра. Такси не ехали. Автобусы стояли. Над кварталами мелькали синие вспышки.

В девятнадцать часов четырнадцать минут объект, потерявший управление после перехвата, ударил в двадцать четвёртый этаж шестой башни. Позднее эксперты спорили, был ли это сам аппарат или его обломки. Для людей, живших в шестой башне, разница не имела значения.

Артём услышал взрыв раньше, чем увидел огонь. Звук оказался неожиданно коротким, почти сухим. Потом воздух толкнул его в грудь. Стёкла остановки осыпались на тротуар.

Он присел, закрыв голову руками. Несколько секунд просидел так, чувствуя под ладонью шершавый асфальт. Рядом мужчина пытался поднять упавший велосипед: переднее колесо погнулось и не проходило между стойками ограждения. Мужчина дёргал его снова и снова, пока кто-то не отвёл его за плечо.

Артём поднялся и увидел дым над башнями. Кто-то кричал имя из толпы. Он оглянулся, но не понял, кого звали. Достал телефон, нажал на фотографию Леры и Миши и услышал короткие гудки. Перезвонил. Потом ещё раз.

Шестая башня стояла рядом с их домом — седьмой башней. Артём увидел пламя на верхних этажах и вдруг не смог вспомнить номер собственного подъезда. На мгновение исчезли все очевидные знания: номер подъезда, код домофона, фамилия консьержа. Осталось только одно слово: Миша.

Леру он заметил не сразу. У подъезда толпились жильцы; кто-то тащил чемодан, кто-то спорил с охранником, требуя пустить обратно за документами. Лера стояла у стены, прижимая к себе рюкзак сына. Миша держал её за два пальца, хотя обычно терпеть не мог ходить за руку. На нём была пижама с нарисованными ракетами и ботинки на босу ногу.

— Артём! — Лера сделала шаг навстречу, но остановилась: Миша упёрся ногами в асфальт. — Смотри на меня. Мы здесь. Оба здесь.

Артём присел перед сыном. Тот не бросился ему на шею, как обычно, а спросил:

— А у нас дома тоже огонь?

— Не знаю, — ответил Артём и тут же пожалел, что не смог сказать иначе. — Мы туда пока не пойдём.

Миша посмотрел на мать. Лера кивнула, будто подтверждала, что отец сказал правду.

Артём обнял их обоих. Он чувствовал, как у жены дрожит спина. За её плечом горело окно, в котором ещё утром кто-то поливал цветы.

Пожарные пытались развернуть лестницу. Женщина в халате стояла у ограждения и повторяла, что её мать не умеет пользоваться лестницей. Молодой мужчина с окровавленным рукавом спрашивал у каждого, видел ли кто-нибудь девочку в жёлтой кофте. Волонтёры уже несли воду, бинты и зарядные устройства. Кто-то снимал всё на телефон.

— Пап, в наш дом стреляли?

Артём открыл рот. Он хотел объяснить, что мир устроен сложнее. Что есть правительства, страх, история, границы, договоры, пропаганда, цепочки приказов, случайные ошибки и люди, которые никогда не видели тех, кого убивают. Но сыну было четыре. Он ждал ответа, который помещался бы в одну фразу.

— Не знаю, Миш. Это соседний дом. Мы сейчас уйдём подальше.

Миша вцепился в рукав его куртки. Артём не стал обещать, что больше ничего не случится.

До полуночи они пытались устроиться у знакомых. Лера дозвонилась до подруги, но та жила на другом конце города и сказала, что мост перекрыт. Соседи предлагали спуститься

в подземный паркинг; охранник возражал, что там пахнет топливом и не работает вентиляция. Никто не знал, где безопаснее. Артём нашёл в кладовке два фонарика и вынес в коридор бутылки воды. Миша попросил пить, сделал один глоток и спросил, когда они вернутся в кровать.

— Как только скажут, что можно, — ответила Лера.

— Кто скажет?

Лера посмотрела на Артёма. Он не знал ответа.

Ночью они сидели на полу в коридоре, подальше от окон. Лера задремала, прижав сына к себе. Артём читал списки пострадавших. Среди фамилий он узнал пожилого мужчину, которому помогал прошлой зимой донести стиральную машину. На фотографии в профиле тот стоял у моря с огромной рыбой. В списке напротив его фамилии значилось: «местонахождение уточняется».

Артём посмотрел на спящих близких. Миша всё ещё держал в кулаке край Лериной кофты. На полу возле двери стояли три пары обуви, собранные на случай новой тревоги. Артём вспомнил мужчину у ограждения, который искал девочку в жёлтой кофте, и поймал себя на том, что не спросил у него ни имени, ни номера телефона. В тот момент ему казалось, что важнее скорее добраться до своих.

Он попробовал представить утро: кому звонить, куда отвезти Мишу, когда можно будет вернуться за вещами. Но всякий раз возвращался к одному и тому же — завтра где-то ещё люди услышат такой же звук. Он не знал, как это остановить, и всё-таки хотел, чтобы кто-нибудь остановил.

Он убрал телефон экраном вниз. Миша во сне нащупал его руку и не отпустил.

Кто-то, кого Артём ещё не знал, услышал его желание.

✱

Когда в доме ненадолго включили свет, Лера нашла Артёма на кухне. Он проверял сообщения в домовом чате. Соседи искали фонари, питьевую воду и лекарства. Кто-то просил помочь вынести пожилую женщину с девятнадцатого этажа. Артём открыл дверь и прислушался к лестничной клетке.

— Ты куда собрался? — спросила Лера.

— На девятнадцатом женщина одна. Лифт стоит.

— Подожди. Возьми фонарь. И не уходи, пока я не скажу Мише.

Она нашла в ящике налобный фонарь. Батарейки оказались севшими. Артём достал из рюкзака запасные, вставил и проверил свет.

— Я быстро. Двадцать минут.

— Не говори «быстро». Просто вернись.

— Если проснётся, скажи, что я помог соседке.

— Скажу. Только ты ему сам потом расскажи.

На девятнадцатом этаже пахло пылью и подгоревшей проводкой. Соседка отказалась уходить без кота. Артём ползал с фонарём под диваном, пока не увидел в темноте два зелёных глаза. На обратном пути он нёс переноску, а женщина, держась за перила, считала ступеньки вслух.

Дома Миша уже не спал. Сидел у Леры на коленях и ждал, пока откроется дверь.

— Ты пожарный был? — спросил он.

— Нет. За котом ходил.

— Кот испугался?

— Очень. Но мы его нашли.

Миша протянул Артёму игрушечный автобус с починенным колесом.

— На. Он тебя домой отвезёт.

Артём сел рядом с ними прямо на пол. Миша пустил автобус по его колену, и Артём остался сидеть, пока тот не сделал ещё три круга.

Глава 2. Один снаряд

Шесть дней спустя на шестой башне закрыли выбитые окна фанерой. Цветы у ограждения размокли, но их никто не убирал. Автобусы опять ходили по расписанию; только водитель сорок второго маршрута каждый раз сбрасывал скорость перед перекрёстком, где ещё стояла техника спасателей.

Вечером Артёму принесли проект приказа об увольнении Сергея Ключева. На последней странице лежал жёлтый стикер: «До 18:00. Директор ждёт». Два дня Артём обзванивал соседние склады, пытался выторговать хотя бы временную ставку, пересылал кадровикам резюме человека, с которым девять лет здоровался по утрам. На одном складе обещали подумать, на другом попросили больше не звонить. Третьему начальнику он предложил забрать Сергея с сохранением оклада — тот рассмеялся: «Ты свои вакансии видел?»

К пяти часам Артём знал, что перевода не будет. Он ещё мог отказаться ставить подпись, но приказ тогда подписал бы директор, а Сергей остался бы без человека, способного проверить расчёт компенсации. Артём попросил кадровика принести ведомость. Там не хватало выплаты за неиспользованный отпуск. Кадровик сказала, что программа считает автоматически. Артём достал календарь отпусков и показал две недели, которых программа не заметила.

— Вы же понимаете, что он всё равно уходит? — спросила кадровик.

— Понимаю. Исправьте расчёт.

В шесть двадцать он подписал приказ с исправленной суммой. Положил ручку на стол и ещё несколько секунд сидел перед листом, словно подпись могла исчезнуть, если на неё не смотреть.

На телефоне было сообщение Сергея: «Ты обещал позвонить в любом случае». Артём набрал номер, услышал длинные гудки и сбросил до ответа. Сказать «место не нашёл» оказалось труднее, чем спорить с директором. Уже в метро он снова открыл переписку. Курсор мигал в пустой строке.

В вагоне напротив него сидела женщина с пакетом лекарств. Подросток беззвучно отбивал ритм пальцами по колену. Рядом дремал мужчина в форме охранника. Артём открыл переписку с Сергеем. Последнее сообщение по-прежнему оставалось без ответа.

Поезд вошёл в тоннель. На стекле проступило отражение женщины с лекарствами: она поправляла воротник, стараясь не задеть пакетом соседа. Артём подумал, что нужно позвонить Сергею, пока не пропала связь, и снова набрал номер. На третьем гудке лампы мигнули.

Сначала исчез звук колёс. Артём успел удивиться: состав продолжал качаться, а привычного грохота не было. Потом он увидел, что отражение женщины осталось в окне, хотя самой женщины напротив уже нет. Он поднял голову. Сиденья были пусты. Поезд тянулся в обе стороны, и в каждом вагоне горел один и тот же холодный свет.

— Эй! — позвал Артём.

Его голос вернулся без эха. Он шагнул к двери, задел плечом поручень — металл был на месте — и в следующий миг перестал чувствовать пальцы. Поручень исчез вместе с вагоном. Артём попытался ухватиться за собственное пальто и не нашёл ни ткани, ни рук. Даже страх оказался странным: сердце должно было колотиться, но он не слышал ударов.

Он не падал. И не стоял. Перед глазами не было темноты — в темноте хотя бы можно различить закрытые веки. Здесь не за что было зацепиться взглядом.

— Что с поездом? — спросил Артём.

— С поездом ничего.

Ответ не прозвучал, но он услышал его отчётливее собственного голоса.

— Я умер?

— Нет.

— Тогда где я?

— Пока это не имеет значения.

— Для тебя, может, и нет. У меня дома жена и ребёнок.

Перед ним обозначилась фигура. Артём не мог определить ни её рост, ни расстояние до неё. Когда пытался разглядеть лицо, взгляд соскальзывал, будто на пустое место фотографии.

— Ты звал на помощь, — сказала фигура.

— Я никого не звал.

— В ночь удара. Ты хотел, чтобы это прекратилось.

Артём вспомнил коридор, одеяло на полу, Мишину ладонь в своей руке.

— Это не просьба к тебе. Я даже не знаю, кто ты.

— Назови меня Наблюдателем.

— Ты устроил взрыв?

— Нет.

— Можешь доказать?

— Нет способом, которому ты сейчас поверишь.

Артём попробовал отступить. Двигаться оказалось некуда.

— Верни меня в поезд.

— Верну. Но сначала предложу выбор.

— Предлагай быстро.

Вместо пустоты появилась кухня. Не их нынешняя, а старая, из квартиры матери: клеёнка с выцветшими грушами, трещина в плитке возле плиты. На столе стояла белая чашка с отколотой ручкой. Мать выбросила её много лет назад. Артём помнил, как она обожгла палец о горячий чай и выругалась — тихо, чтобы он не услышал.

Он взял чашку. Керамика была тёплой.

— Ты копаешься у меня в голове?

— Я использовал то, что ты помнишь. Чашка настоящая.

— Что значит «настоящая»?

— Ты сможешь унести её с собой.

Артём поставил чашку так резко, что чай расплескался на клеёнку. Он не заметил, откуда взялся чай.

— Чего ты хочешь?

— Узнать, что человек делает с возможностью менять мир.

— Почему спрашиваешь меня? Найди президента. Или врача.

— Президент привык отдавать приказы. Врач привык видеть предел своих возможностей. Ты каждый день решаешь, кому достанется работа, а кому — нет. И каждый вечер возвращаешься к сыну.

— Если ты знаешь про Сергея, то знаешь и то, что я пытался ему помочь.

— Знаю.

— И всё равно подписал, — произнёс Артём, скорее себе, чем собеседнику.

— Да, — ответил Наблюдатель.

Артём вспомнил, как кадровик исправляла цифру в ведомости, а он следил за её ручкой, чтобы не думать о Сергее. Наблюдатель не осудил его. От этого стало хуже.

На клеёнке появилась фотография Миши в бумажной короне. Артём тут же перевернул её лицом вниз.

— Сына не трогай.

— Он сейчас спит дома. Я ничего с ним не сделал.

— Тогда зачем фотография?

— Ты сам о нём подумал.

Артём не помнил, чтобы думал о фотографии. Он думал о том, успеет ли забрать Мишу из сада в пятницу.

— Что именно ты предлагаешь?

— Ты сможешь остановить летящий снаряд. Восстановить дом. Убрать болезнь из тела человека. Изменить почти всё, что сумеешь представить достаточно ясно.

— И цена?

— Изменение не всегда ограничивается тем, что ты намеревался изменить.

— То есть за одну спасённую жизнь погибнет другая?

— Я этого не говорил. Связи между событиями не сводятся к обмену один на один.

— Тогда объясни правила.

— Полного перечня у меня нет. Я наблюдаю последствия, а не управляю каждым из них.

— Удобно. Ты даёшь мне силу, а отвечать буду я.

— Да.

Артём обошёл стол. За окном кухни висел тот же серый двор, что в детстве, но на месте песочницы стояла машина, которой тогда ещё не выпускали. Он почувствовал холод: даже воспоминание здесь было неточным.

— Ты можешь остановить войну сам?

— Могу вмешаться. Сейчас речь не обо мне.

— Значит, это опыт. На людях.

— Ты можешь отказаться.

— И что будет?

— Доедешь до следующей станции. Встретишь сына. Позвонишь Сергею — или не позволишь.

Артём сжал кулаки. Он хотел возразить, но Наблюдатель назвал именно то, чего он избегал весь вечер.

— Если согласишься, ты будешь говорить, что мне делать?

— Нет.

— А если я сделаю что-нибудь страшное?

— Это будет твоим поступком.

Никакого обещания исправить ошибку. Никакой страховки. Артём посмотрел на чашку: скол на ручке был острым, как прежде.

— Я смогу хотя бы попробовать спасти людей?

— Сможешь.

— Тогда верни меня.

Свет ударил в глаза. Колёса загрохотали на стыке рельсов. Женщина напротив всё ещё держала пакет лекарств. Подросток продолжал стучать пальцами по колену. Табло показывало следующую станцию.

В ладони Артёма стояла чашка. Горячая. Настоящая. Он сунул её в карман пальто и обжёг запястье.

Он мог сойти и поехать в больницу. Но что бы он там сказал? Что встретил существо без лица и вернулся с чашкой из детства? На станции объявили пересадку. Люди потянулись к дверям, задевая его локтями. Мир вёл себя так, будто ничего не произошло, и именно это мешало ему поверить самому себе.

Артём достал чашку. Скол на ручке был знакомый, с острым краем у основания. В детстве он однажды порезал об него палец; мать рассердилась и запретила брать чашку без спроса. Теперь Артём обвёл скол ногтем. Он не хотел менять мир. Хотел узнать, способен ли изменить хотя бы эту маленькую вещь, которую держит в руках.

«Пусть станет целой», — подумал он.

Керамика сомкнулась без звука. Артём не сразу убрал палец. Провёл им по гладкой поверхности, повернул чашку под лампой, снова проверил место скола. Поезд остановился. Он не вышел: боялся, что, стоит сделать шаг, всё исчезнет. Двери закрылись, и он проехал свою станцию.

В другом городе женщина пришла в больницу к матери и вдруг не смогла вспомнить её лицо. Она знала номер палаты, помнила запах духов, помнила, как мать поправляла ей шарф. Но когда открыла дверь, не узнала женщину на кровати. Она вышла в коридор, посмотрела на табличку с фамилией и вернулась. Медсестра решила, что посетительница перепутала этаж.

Ни Артём, ни эта женщина пока не знали, что между событиями есть связь.



На улице шёл дождь. Артём остановился под козырьком метро, достал телефон и набрал Сергея. Тот ответил не сразу.

— Я подписал приказ, — сказал Артём. — Прости, что не позвонил раньше.

В трубке зашуршало. Сергей, кажется, вышел из комнаты. Слышно было, как хлопнула дверь, потом чей-то голос позвал его по имени.

— Ты обещал до обеда, — сказал Сергей. — Я весь день телефон с собой носил.

— Знаю.

— Место нашёл?

— Нет.

Артём мог рассказать про директора и ведомость, но понимал, что Сергей спрашивал о работе, а не о его стараниях.

— Понял. С выплатой что?

— Полную сумму согласовали. Я проверил расчёт.

— Ладно. Спасибо, что позвонил.

Артём хотел сказать, что найдёт ему работу, но не стал обещать ещё раз. Вместо этого записал адрес склада, где через неделю открывалась вакансия. Сергей попросил прислать его сообщением.

В аптеке Артём купил воду и пакет. Чашку положил в пакет: ручка всё ещё была горячей. В зеркале за кассой он увидел усталое лицо и мокрый воротник пальто. Никакого сияния, никакого знака. Если бы он сейчас рассказал о случившемся, фармацевт, вероятно, предложила бы вызвать врача.

Лера прислала фотографию: Миша стоял на кухонном табурете с деревянной ложкой в руке. «Сегодня ужин готовит он. Я отвечаю только за пожарную безопасность». Артём улыбнулся и набрал: «Скоро буду».

У перехода мужчина уронил папку. Листы поплыли по лужам. Артём присел, прижал один ботинком, поймал второй у бордюра. На третьем расплылась синяя печать.

— Спасибо. Всё сегодня валится из рук, — сказал мужчина.

Артём почувствовал, как легко мог бы вернуть бумагу сухой. Достаточно представить. Он посмотрел на мокрые пальцы незнакомца.

— Этот лист, наверное, лучше сразу сфотографировать, — сказал Артём и протянул телефон, чтобы подсветить документ.

Мужчина вытащил свой телефон, сделал снимок и поблагодарил ещё раз. Артём ушёл, оставив лужи лужами. Ему было одновременно легче и досадно: ведь он действительно мог помочь больше.

Дома Миша показал ему динозавра без передней лапы. На спине у игрушки была наклейка с крестом.

— Он из больницы. Ему печенье надо.

— А лапа где?

— Потерялась. Ты починишь?

— Поищем сначала.

Они заглянули под диван и за батарею. Лапа нашлась в коробке с кубиками. Артём приклеил её обычным клеем; Миша стоял рядом и следил, чтобы отец не перепутал стороны.

Лера наблюдала из дверей кухни.

— Ты Сергею позвонил? — спросила она, когда Миша ушёл мыть руки.

— Да. Подписал увольнение. Выплату отстоял.

— Он как?

— Не стал ругаться. Мне от этого не лучше.

— А должно быть лучше?

Артём пожал плечами. Лера поставила перед ним тарелку остывших макарон. Он хотел рассказать про метро, но представил её взгляд, вопросы, больницу. Положил пакет с чашкой под стул.

— Что у тебя там? — спросила она.

— Чашка. Нашёл по дороге.

— Ты теперь чашки с улицы собираешь?

— Похожа на мамину.

Лера заглянула в пакет, но не стала смеяться. Она помнила, как тяжело он переживал смерть матери.

— Вымой хотя бы, прежде чем ставить на полку.

Позже они разобрали квитанции. Лера заметила, что в платёжке за отопление опять неправильно указали площадь квартиры. Артём по привычке начал считать разницу на калькуляторе. Мир снова сузился до цифр, которые можно было проверить.

— Завтра позвоню в управляющую, — сказал он.

— Только не забудь, как в прошлый раз.

— Поставлю напоминание.

Лера коснулась его плеча и ушла укладывать Мишу. Артём остался один на кухне. За стеной сын просил прочитать ему про динозавров; Лера отвечала, что сначала нужно почистить зубы. Артём выждал, пока зашумит вода, и достал чашку из пакета.

Ручка снова была отколота.

Он повернул её под лампой. Скол проходил по тому же месту, где минуту назад — он был уверен — оставалась гладкая керамика. Артём достал телефон и открыл камеру. Навёл объектив на ручку, увеличил изображение. Пальцем проверил острый край и порезался.

Кровь выступила сразу. Он положил чашку на стол, промыл палец и вернулся с бумажным полотенцем. Скол никуда не делся. Ему хотелось немедленно сделать ручку целой ещё раз, теперь под запись. Но мысль о том, что произошло с первым исправлением, останавливала сильнее страха показаться сумасшедшим.

Он завернул чашку в полотенце и убрал на верхнюю полку, куда Миша не мог дотянуться. Телефон с открытой камерой остался лежать на столе.

Ночью он читал новости о Северии и Рутении. На границе погибла семья. Ведомства спорили, чей был снаряд; под фотографией разбитой кухни люди требовали ответа, хотя никто из них не знал погибших.

Артём сидел на краю Мишиной кровати. Сын спал, обняв динозавра. Артём вспомнил белую пыль на фотографии разрушенной башни, сирену, соседа с лестничной клетки. Он подумал о снаряде, который сейчас летит в чей-нибудь дом. Не о приказе и не о солдатах. Только о металле в воздухе.

Пусть исчезнет один снаряд, подумал он. Только один.

Далеко от него часовой увидел, как над траншеей распустилось белое облако. Снаряд рассыпался в мелкий снег. Солдаты по обе стороны линии на несколько секунд перестали стрелять. Один протянул ладонь вверх; снежинки таяли на коже.

В архиве приграничного города погасли мониторы. После перезагрузки исчезла запись о девочке, пропавшей десять лет назад. Её мать утром принесла фотографию, но сотрудница архива не нашла ни дела, ни свидетельства о рождении. Мать потребовала позвать начальника. Тот вышел, посмотрел на фотографию и сказал, что без документов ничем помочь не может. Женщина не ушла: она села на пластиковый стул напротив окна приёма и стала ждать.

Артём не знал ни о ней, ни о больнице. Он поправил одеяло на сыне и впервые за шесть дней уснул без страха перед сиреной.

В три часа ночи телефон засветился. Неизвестный номер. Четыре слова: «Один снаряд. Одна девочка».

Артём перечитал сообщение. Набрал номер — сеть сообщила, что абонент не существует. Он встал, подошёл к окну. В стекле отражались детские рисунки, шкаф и его собственное лицо. Он моргнул. Отражение моргнуло на долю секунды позже.

Глава 3. Девочка без документов

Утром Артём обнаружил, что сообщение о девочке сохранилось только на скриншоте. В переписке его не было. Номер отправителя не существовал; телефонная компания предложила перезагрузить аппарат.

«Один снаряд. Одна девочка».

Он увеличивал буквы, пока изображение не распалось на квадраты. Ночью он спас людей, которых никогда не видел. Теперь хотел найти ребёнка, которого, возможно, не существовало. От этой мысли его тошнило сильнее, чем от бессонницы.

Миша за завтраком строил мост из хлебных корок. Короткую ставил поперёк двух длинных; она падала, и он начинал сначала. Лера рассказывала о школьном спектакле: ученица отказалась играть принцессу, потому что в конце ей полагалось ждать спасения. Артём не слышал, чем закончился спор.

— Ты заболел? — спросила Лера.

— Не спал.

— Третью ночь. Вчера ты обещал лечь раньше.

Он потянулся за чашкой и вспомнил, как восстановил отколотую ручку. Теперь на кухне любая вещь казалась вопросом: прежняя она или новая, похожая до последней трещины?

— На работе что-то? — спросила Лера.

— И там тоже.

Она убрала со стола Мишину тарелку. Не стала расспрашивать при сыне. Уже у двери, когда мальчик ушёл за ботинками, сказала тихо:

— Я могу выдержать плохие новости. Не могу — когда ты заставляешь меня угадывать.

Артём пообещал поговорить вечером. Обещание прозвучало легко, и оттого стало стыдно.

В метро он проехал свою станцию. Вышел, сел на скамью и достал из кармана домашнюю чайную ложку — с царапиной, которую Миша оставил, раскапывая цветочный горшок. Артём не помнил, как положил её в карман. На мгновение ему захотелось проверить: можно ли сделать вторую, точно такую же? Он спрятал ложку. После истории с девочкой даже опыт с металлом казался непозволительным.

В сети уже спорили о снеге над Заречным. Восьмисекундное видео показывало солдата в грязной куртке и белое облако, оседавшее на окоп. Одни называли его фосфором, другие — монтажом. Под роликом кто-то написал: «Я там был. Оно было холодным».

Соседний с Заречным Тихобор попал в новости по другой причине. Женщина по имени Инна Белова утверждала, что у неё пропала дочь. Вчера утром она пришла в школу за справкой и узнала, что ребёнок там никогда не учился. В роддоме не нашли записи о рождении. Соседи помнили Инну, но не помнили девочку. Журналистка опубликовала фотографию детского ботинка и отказалась повторять чиновничье слово «бред».

Артём открыл снимок. На подкладке ботинка синими чернилами было выведено «Лиза». Он представил, как Инна держит его в руках. На секунду чужая кухня проступила перед глазами: зелёная клеёнка, сушилка с чашками, узкое окно. Женщина сидела за столом, прижимая ботинок к груди. Потом видение исчезло, и Артём ударился затылком о стекло остановочного павильона. Мимо прошли двое пассажиров. Никто не обернулся.

В блокноте он написал: «Не менять того, чего не понимаешь». Посмотрел на строчку и дописал ниже: «Найти Инну. Проверить самому».

Протокол 01. Отдел регистрации Тихобора

ВЫПИСКА ИЗ ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНКИ И. БЕЛОВОЙ. ДОСТУП ОГРАНИЧЕН.

Заявительница утверждает, что её дочь Елизавета Белова, десяти лет, проживала с ней до вчерашнего дня. Представлены детская обувь, школьная тетрадь с именем «Лиза», аудиозапись голоса. Запись о рождении не обнаружена. Соседи факт проживания ребёнка не подтверждают.

На вопрос о почерке в тетради заявительница ответила: «Она училась писать. Сначала печатными, потом как в школе».

На вопрос, когда сделана аудиозапись, заявительница ответила: «На её дне рождения. Весной».

Установлено: дата создания файла соответствует следующему календарному году. Причина расхождения не определена.

Примечание сотрудника: на записи ребёнок спрашивает: «Мама, а если меня никто не помнит, я всё равно была?» Заявительница утверждает, что никогда не слышала от дочери этих слов.

Распоряжением начальника отдела воспроизведение файла приостановлено до проверки его происхождения.



В столице Северии министр безопасности Павел Ратников потребовал убрать из доклада слово «аномалия». Он терпеть не мог слов, после которых невозможно назначить ответственного.

Полковник Седов принёс папку без грифа. На первом листе — шесть кадров белого облака над Заречным. На втором — анализ снега. На третьем — фотографии металлических фрагментов, превратившихся в прозрачные кристаллы.

— Откуда это? — спросил Ратников.

— С трёх участков фронта. Независимые записи. Взрыва не было.

— Потери?

— По этим позициям — ноль. Соседний расчёт попал под обычный обстрел.

Ратников задержал взгляд на последней строке. Доклад не давал ему права произнести слово «спасение»: на карте рядом всё ещё лежали погибшие.

— Кто первым выложил видео?

— Не установили. Копии уже у всех. Рутения называет это знамением. Наши каналы — испытанием защиты.

— Пусть пока говорят об испытании. Но выясните, кто и чем управлял.

Седов достал фотографию Инны Беловой.

— Есть ещё Тихобор. Женщина потеряла дочь. Документы исчезли в ту же ночь, когда появился снег.

— Связь?

— Не доказана. На аудиозаписи ребёнок произносит слово «снаряд». Файл датирован будущим годом.

Ратников положил фотографию лицом вниз.

— Кто проверял запись?

— Два специалиста. Они не нашли склейки. Я запросил третьего.

— Хорошо. И не тащите женщину на допрос. Пришлите человека, который умеет разговаривать с матерью, а не составлять протокол задержания.

Седов впервые за утро посмотрел на министра прямо.

— Вы считаете, она говорит правду?

— Я считаю, что её ребёнка нет. Остальное пока не знаю.

Когда полковник вышел, Ратников набрал дочь. Пять месяцев они не разговаривали после ссоры о войне. Вызов оборвался. Он написал: «Ты как?» — и оставил телефон экраном вверх, хотя каждая новая вибрация заставляла его вздрагивать.



К старому депо Артём пришёл после полуночи. На воротах висела табличка «Посторонним вход запрещён». За оградой тянулись мокрые рельсы; у сторожки горела лампа. Он убедился, что охранник внутри, и прошёл вдоль забора до тупика.

— Я знаю, что ты меня слышишь.

Ответа не было. Вдалеке лаяла собака.

— Кто написал про девочку?

— Не я.

На рельсе сидел Наблюдатель в сером пальто. Артём не видел, как тот появился. Когда пытался разглядеть лицо, запоминал только складку у воротника.

— Ты говорил, что дал мне силу. Почему не предупредил, что после неё исчезают дети?

— Я не говорил, что это плата.

— Но это случилось после моего вмешательства.

— Да.

— Ты знаешь, что с Лизой?

— Знаю, что её мать помнит дочь. И что мир вокруг неё — нет.

— Тогда верни девочку.

— Ты обращаешься не к тому.

Артём шагнул ближе. Под ботинком рельс на миг стал рыхлым песком. Он отдернул ногу. Восстанавливать металл не стал.

— Значит, это я сделал?

— Ты остановил снаряд. Не приписывай себе то, чего ещё не установил. Но и не отводи глаза от последствий.

— Ты мог дать мне правила.

— Правила не заменят того, чего ты не знаешь.

— Как мне узнать?

Наблюдатель посмотрел на телефон в его руке.

— Ты уже нашёл имя матери.

Артём сжал телефон. Он уже нашёл имя Инны, но до сих пор не решился ей позвонить.

— А если я найду Лизу? Я смогу её вернуть?

— Какую Лизу? Ту, которую помнит Инна? Ту, которой нет в документах? Или ребёнка, которого ты сейчас создашь по фотографии ботинка?

— Ты нарочно всё усложняешь.

— Нет. Ты хочешь пропустить сложное.

Артём посмотрел на сторожку. Охранник вышел покурить, прикрыл огонёк ладонью и снова скрылся за дверью. Человек прожил обычную минуту, не подозревая, что за забором решают, можно ли переписать чужую жизнь.

— Зачем именно я? — спросил Артём.

— Ты хотел, чтобы мир стал другим.

— Этого хотят миллионы.

— Да.

— Тогда почему я?

Наблюдатель не ответил сразу.

— Не подменяй этот вопрос удобным ответом.

Артём хотел спросить ещё, но рельс опустел. На нём лежала газета с датой девятилетней давности — хотя бумага была новой. Он поднял её. На первой полосе стояло слово «ТИШИНА», под ним — фотография Артёма, которой никто ещё не делал. Он успел заметить седину у виска. Газета рассыпалась сухими клочками; на мокром щебне не осталось ни одного.

На обратном пути он позвонил по номеру, указанному под заметкой о Тихоборе. Редакция не ответила. Тогда Артём записал сообщение: «Я видел вашу публикацию. Мне нужно поговорить с Инной Беловой. Я, возможно, знаю что-то о ночи, когда исчезла её дочь».

Он перечитал сообщение перед отправкой и стёр слова «Я могу помочь вернуть вашу дочь». После этого нажал «отправить».

Глава 4. Антоновка

В понедельник Артём пришёл на работу раньше уборщицы. В коридоре пахло краской: за выходные перекрасили стену напротив кабинета директора, а табличку «Отдел персонала» так и не прикрутили. Сергей Ключев ждал звонка по поводу перевода. Артём обещал ему ответ, но у кадровиков не было вакансии, а у директора — желания её искать.

Он открыл таблицу штатного расписания. Пустая клетка между должностями казалась приглашением. Достаточно было подумать, что вакансия существовала всегда, и у Сергея появилась бы работа. Ни подписей, ни переговоров, ни унижительных просьб.

Артём закрыл файл, не сохранив изменений.

В девять вошёл Виктор Павлович Горин, начальник склада. Он проработал здесь девять лет и привык приносить яблоки с дачи всем, даже тем, кто не любил яблоки. Сегодня пакет остался у него в руке. Горин не сел, пока Артём не показал на стул.

— Ключева оставляют? — спросил он.

— Пока нет. Я предложил перевод, но должности нет в штатке.

— У меня грузчики по двенадцать часов стоят. А должности нет.

— Я знаю.

— Не знаешь. Ты к нам в половине восьмого спустись. Увидишь, кто за кого работает.

Артём выдержал взгляд.

— Спустишь. Сегодня. А вам зачем назначили встречу?

Горин положил на стол конверт. Внутри было соглашение о расторжении договора. Директор рассчитывал убрать сразу двух человек и назвать это оптимизацией.

— Попросили подписать до обеда. Без компенсации. Сказали, потом будет хуже.

— Кто сказал?

— Ты правда хочешь, чтобы я называл фамилию? Ты там же сидишь, где они.

Артём подвинул конверт обратно.

— Не подписывайте сегодня. По соглашению вы можете отказаться. Я запрошу расчёт и основания сокращения.

— А Ключеву что скажешь?

Вопрос попал точнее, чем обвинение.

— Что пока не договорился. И что приду на склад.

Горин убрал конверт в карман. На пороге задержался:

— Мне не нужна твоя жалость. Мне нужно, чтобы мне заплатили то, что должны.

Артём позвонил Сергею при нём. Не стал говорить, что всё получится. Назвал срок следующего разговора и попросил не подписывать никаких бумаг без копии. Сергей выслушал молча, потом спросил, стоит ли ему всё-таки выходить в смену. Артём ответил: да, выходить. Пока приказа нет, работа остаётся работой.

Директор принял его через час. На столе лежали три папки и закрытый стакан кофе.

— Ты вместо сокращения устроил юридический кружок?

— Я запросил документы. Мы предлагаем людям уйти без положенных выплат.

— Ты считаешь деньги компании своими?

— Нет. Поэтому и прошу показать расчёт.

Директор снял очки.

— Слушай внимательно. Мне нужен результат к пятнице. Не героизм. Результат.

Артём мог сделать так, чтобы директор сам потребовал сохранить штат. Мысль возникла без усилия, как движение рукой к выключателю. Он представил человека напротив — с новым убеждением, с готовой подписью, довольного собственным решением. Ему хотелось назвать это справедливостью. Он даже начал мысленно подбирать слова, которыми объяснил бы пере-

мену директору, если бы тот заметил. Только тогда понял, что готов сначала изменить чужую волю, а уже потом придумать для этого оправдание.

— Тогда оформляйте сокращение по закону, — сказал Артём.

— Выйди.

Через двадцать минут на почту пришло уведомление о дисциплинарной проверке. Артём распечатал его и положил в рюкзак. На складе к вечеру он помогал разбирать поддоны; Сергей показал ему треснувший настил, который обещали заменить с весны. Горин не благодарил. Только сунул ему яблоко перед уходом.

Вечером на рабочую почту пришло письмо без обратного адреса. Вложение открылось само. На видео Горин переходил дорогу у склада. Из переулка выезжал грузовик, ударял его и продолжал движение. В правом углу стояла завтрашняя дата и время — 08:42.

Артём просмотрел запись ещё дважды. На последнем кадре у бордюра катились яблоки. Он позвонил Горину, но тот не ответил. Написал: «Не переходите завтра у северных ворот. Пожалуйста, позвоните мне». Слова выглядели безумно. Он стёр второе предложение и снова напечатал.

Лера увидела его за столом, когда вышла за водой.

— Опять работа?

— Один человек может попасть под машину.

— Ты видел аварию?

— Запись. Завтрашнюю.

Она поставила стакан. В последние дни Артём то уходил от вопросов, то говорил вещи, которые невозможно было проверить.

— Артём, я не знаю, что с тобой происходит. Но если человек в опасности, позвони ему. А потом объясни мне, откуда у тебя эта запись.

— Я пытаюсь сначала разобраться.

— Ты всё время сначала разбираешься. А я потом узнаю, что мы уже живём по другим правилам.

Он хотел сказать, что бережёт её. Но Лера стояла в дверях босиком и ждала не защиты, а ответа.

— Мне страшно, — сказал он.

— Мне тоже. Только я не знаю, чего бояться.

Он рассказал про письмо, но не про то, что мог изменить его содержание одним желанием. Лера выслушала, попросила переслать запись и сказала, что утром поедет с ним. Он возразил; она не стала спорить, просто поставила будильник.

✱

В 08:31 Горин вышел из склада с пакетом яблок. Лера осталась у машины и набрала экстренный номер: она решила сообщить о возможной аварии, даже если объяснение будет звучать нелепо. Артём подошёл к Горину раньше, чем тот ступил на переход.

— Виктор Павлович, постойте.

— Ты с утра опять про бумажки?

— Про яблони. Вы говорили, у вас поздний сорт. Как называется?

Горин посмотрел на него как на человека с температурой.

— Антоновка. А ты зачем меня караулишь?

Грузовик показался из переулка. Водитель сбросил скорость, пропуская женщину с коляской, и вырулил на главную дорогу. Артём увидел на переднем бампере белую полосу — такую же, как на записи. Машина прошла мимо.

— Вы меня слышите? — Горин тронул его за локоть.

— Да. Простите. Я не спал.

— Это видно. Поезжай домой, пока сам под колёса не полез.

Лера подошла, когда грузовик скрылся за углом. Она не спросила, сработало ли предупреждение. Взяла у Горина номер телефона и сказала, что позже объяснит. Тот ушёл, оборачиваясь.

В 09:07 в городском канале появилась новость: в двух кварталах от склада грузовик сбил курьера. Пострадавшего увезли в больницу. На фотографии машины была та же белая полоса на бампере.

Артём увеличил снимок до пикселей. Курьер лежал за пределами кадра; виден был только термос, раскатившийся по асфальту.

— Ты ведь не знаешь, связано ли это, — сказала Лера.

— Не знаю.

— Тогда не говори себе, что ты его убил. Но и не делай вид, что ничего не произошло.

Он позвонил в больницу. Фамилию пострадавшего ему не сообщили. Лера записала адрес приёмного отделения и предложила поехать туда после работы, если появится возможность помочь. Артём согласился. Ему хотелось немедленно узнать исход, заставить врача сказать «жив», убрать из мира саму возможность такого звонка. Вместо этого он убрал телефон в карман.

✱

В рутенийском Вольске Ника Орлова слушала сообщение солдата, присланное на редакционный номер. В записи слышались ветер, металлический стук и чужое дыхание.

— Вы писали про белый снег? Он не был снегом. После него наш санитар вспомнил Семёна Кравца. Мы его хоронили зимой. А теперь в списках такого нет.

Ника позвонила обратно.

— Фамилия санитаря?

— Я её не дам. Его после этого разговора заберут.

— Тогда хотя бы номер части и дату похорон.

— Дату могу. Номер — нет.

— Мне нужно проверить, что Кравец существовал.

— Нам тоже.

Связь оборвалась. Ника отметила дату, сохранила файл в двух местах и не стала писать записку. Сообщений о чудесах было слишком много; каждое требовало проверяемого человека, документа или места.

Она добралась до Инны Беловой через шесть часов и два блокпоста. Инна встретила её в квартире, где пахло лекарствами и печёными яблоками. На столе лежала детская тетрадь, открытая на рисунке дома и дерева.

— Мне сказали, вы ищете дочь, — начала Ника.

— Не «ищу». Я знаю, что она была. Просто никто больше этого не знает.

— Покажите, что осталось.

Инна подала рисунок. Над одной фигуркой неровно было написано «МАМА», над другой — «Я». На обороте стояла дата следующего года.

— Это вы написали?

— Нет. Я не умею так выводить семёрку. Лиза всегда её перечёркивала.

Ника сфотографировала лист с разрешения Инны, затем попросила показать школьные журналы и медицинские карточки. Там, где должны были быть сведения о ребёнке, были ровные пустые строки. Не зачёркнутые. Не вырванные. Словно никто никогда не вписывал имя.

— А фотография? — спросила Ника.

Инна показала площадку с качелями. Девочки на снимке не было.

— Красная шапка, — сказала Инна. — Я помню её. А лица не могу. Вы напишете, что я сошла с ума?

— Я напишу только то, что могу подтвердить. И что вы сами разрешите рассказать.

Инна долго смотрела на неё.

— Тогда напишите, что я не прошу вернуть мне память. Я прошу найти дочь.

В редакции Ника составила материал не о чуде, а об исчезнувших записях и семьях, которые не могли получить даже справку для поисков. Она отдельно указала, что происхождение пустых строк неизвестно. Публикация вызвала споры; под ней появился комментарий от пользователя «Свидетель»: «Спросите, кто сделал снег».

✱

Артём прочёл материал ночью. На фотографии из квартиры Инны виднелась тетрадь. Он попытался представить Лизу и сразу понял, что подставляет вместо неё Мишину улыбку, Мишины пальцы, Мишину красную шапку с прошлой зимы. Если он сейчас вернёт ребёнка по этому образу, кого именно получит Инна?

Он отодвинул телефон. Потом позволил себе только одно: увидеть следы, не создавая ничего заново.

На стекле выступили маленькие отпечатки. Из-под холодильника выкатился жёлтый карандаш, хотя Миша такими не рисовал. На секунду Артём увидел комнату, которой здесь не было, и девочку у окна. За окном шёл белый снег. Девочка повернулась, но лица он не разглядел.

«Не возвращай меня», — прозвучало будто из соседней комнаты.

Артём разжал пальцы. Отпечатки исчезли. Карандаш остался на полу.

Он не знал, была ли это просьба Лизы, обрывок чужой памяти или ещё одна ловушка его собственной силы. Теперь у него было хотя бы достаточно сомнений, чтобы не делать следующего шага.

Утром он позвонил в редакцию Ники Орловой с телефона без сохранённых контактов.

— Я знаю кое-что о белом снеге.

— Вы вчера оставляли сообщение? — спросила Ника.

— Да.

— Назовите имя.

— Артём. Фамилию скажу при встрече.

— У меня есть запись этого разговора. Вы согласны?

Он посмотрел на Мишу, который на полу соединял рельсы игрушечной дороги.

— Да. Но прежде чем вы её опубликуете, я хочу поговорить с вами лично.

— Вы можете подтвердить хоть что-нибудь из того, что говорите?

— Могу показать то, чего на ваших снимках нет.

— Я не встречаюсь с людьми, которые обещают чудеса.

— Тогда считайте, что я обещаю вам ошибку. Возможно, очень большую.

Ника помолчала.

— Завтра. Старый речной вокзал. Без сопровождающих. Если вы попытаетесь запугать меня, разговор закончится.

— Понял.

Он положил трубку и обнаружил, что Миша слушал.

— Пап, ты куда завтра?

— На встречу.

— А меня заберёшь из садика?

— Постараюсь.

— Ты вчера тоже так сказал.

Артём сел рядом и поправил съехавший рельс.

— Тогда скажу точнее: если не успею, заберёт мама. Я позвоню заранее.

Миша кивнул и протянул ему мостик. Артём поставил его не туда; сын переставил обратно, не спрашивая разрешения.



Интерлюдия. Две столицы

В Рутении военные докладывали об исчезнувших боеприпасах и неполных списках погибших. Президент потребовал проверить данные у трёх независимых источников прежде, чем обвинять противника. Министр обороны возразил, что такая проверка займёт дни, а на фронте решения принимают за минуты.

В Северии Ратников получил папку с теми же расхождениями. Он распорядился сохранить исходные записи и запретил уничтожать ошибочные версии отчётов. Ратников распорядился проставить на каждом варианте время получения и сохранить даже файлы, признанные ошибочными.

Ни одна из сторон не рассказала об этом гражданам. Обе боялись паники; обе продолжали отдавать приказы людям, чьи имена уже могли исчезнуть из ведомостей.

Вечером Артём шёл с Мишей домой. Сын рассказывал о красном экскаваторе, который отдал другому мальчику в обмен на обещанный жёлтый.

— И дал тебе жёлтый? — спросил Артём.

— Нет. Он забыл.

— Ты рассердился?

— Немножко. Завтра спрошу.

Артём хотел объяснить, что обещания нужно выполнять. Потом вспомнил свой утренний разговор и просто взял сына за руку покрепче.

Глава 5. Два карандаша

Ника Орлова пришла на речной вокзал за двадцать минут до встречи. У входа стоял автомат с кофе, внутри — три ряда пустых кресел и охранник, который делал вид, что читает газету. Ника выбрала скамью напротив двери: отсюда было видно и выход, и отражение в мутном стекле. Диктофон она положила в карман, телефон перевела в режим записи. Незнакомец по телефону говорил так, будто собирался признаться в преступлении. Одной записи Нике было мало: телефон мог разрядиться или исчезнуть вместе с сумкой.

Он пришёл раньше назначенного времени. Пальто промокло по плечам, на рюкзаке белела нитка от порванного шва. Ника вспомнила кадры с падающей плитой: такой же рюкзак, такая же походка. Совпадение ещё ничего не доказывало.

— Артём? — спросила она.

— Да. Веденин.

— Документ покажете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.